

О Б Щ Е С Т В О И Р Е Ф О Р М Ы

*О.И. ШКАРАТАН***Этакратизм и российская
социетальная система**

Теоретические конструкты социологов и экономистов, изучавших советское общество и процессы его постсоциалистической трансформации, верно отражая многие стороны реальности, как представляется, не раскрывали сущностные черты этой социальной системы и ее последующих преобразований. Дело в том, что науки об обществе по своему происхождению и содержанию и поныне носят европоцентристский характер. Сложившиеся теории и категориальный аппарат могут быть однозначно поняты и интерпретированы только применительно к обществам, строящимся на частной собственности, гражданских отношениях и индивидуализме. Но они не вполне адекватно отражают реалии обществ, обладающих другими институциональными структурами, другими культурами, другими ценностными системами. Даже терминология (тоталитарное общество, авторитаризм, демократия, правовое государство, общественное мнение) не отражает сущностных свойств обществ, обладающих другими (то есть не европейскими, не атлантическими) институциональными структурами и ценностными системами.

Европоцентристский подход тесно увязан с принятием идеи унитарности исторического процесса. И на марксистское, и на либеральное отрицание мультилинейности развития конкретных обществ решающее влияние оказала гегелевская схема "ступенчатого" развития истории к единому для всего человечества идеалу. Это относится прежде всего к марксизму с его теорией сменяющихся социально-экономических формаций. Ничем в данном отношении не отличается и либерализм. Он также признает безальтернативность пути развития – от традиционного общества – к частнособственному, буржуазному, или (по Ф. Фукуяме) – от родоплеменного к рабовладельческому, от последнего – к теократическому и, наконец, – к венцу исторического пути человечества – к демократически-либеральному. При этом страны и народы оцениваются как находящиеся в разных "эшелонах" (на разных ступенях) движения к единому идеалу. Представляется, что такие представления далеко не бесспорны.

Это не чисто академический вопрос. В основу переустройства и экономики, и общества во всех странах Центральной и Восточной Европы, включая Россию, были положены одни и те же принципы, одни и те же универсальные способы реформирования экономики, именуемые "Вашингтонским консенсусом", который появился на свет в 1990 г. как рецепт лечения экономики развивающихся стран, не выплачивающих свои

долги. Важно, что принципы Вашингтонского консенсуса были пригодны для стран, **уже имевших рыночную экономику и не находящихся в состоянии перехода**, что позднее подтвердил тогдашний вице-президент и главный экономист Мирового банка, лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц [Стиглиц, 1998; Стиглиц, 1999; Stiglitz, 2002]. Но их стали применять ко всем странам с переходной экономикой, что сыграло едва ли не определяющую роль в выборе стратегии экономических реформ в сильно различающихся друг от друга постсоциалистических государствах. Как отмечал Г. Колодко, вице-премьер и министр финансов Польши в период ее бурного роста в 1992–1997 гг., "лишь Китай менее подвержен влиянию Вашингтонского консенсуса. Любопытно, что в Китае, независимо от этого, дела идут вполне благополучно" [Колодко, 2000, с. 126].

Однако последствия такой стратегии по-разному сказались на развитии государств Центральной и Восточной Европы, а также бывшего СССР. Через сравнительно короткий промежуток времени стали очевидными и убедительными успехи в экономическом росте и становлении либеральной демократии стран европейской культурной традиции, западного христианства, многовековой традиции частной собственности и определенного опыта гражданских отношений и правовой государственности – Чехии, Словении, Польши, Венгрии, Словакии. В то же время восточно-христианские общества (Россия, Украина, Болгария, Румыния, Грузия) оказались далеко не в лучшем положении.

На разных исторических этапах и тем более в наше время одновременно существовали и существуют разнообразные социально-экономические формы, развивавшиеся в контексте различных культур. Советский тип общества, так же как и современное российское общество, – некая данность, с особой институциональной структурой и системой ценностей, относящимися, как я постараюсь показать, к другому типу цивилизации (евразийской), чем западная. Таким образом, на мой взгляд, речь должна идти о *раскрытии системообразующих элементов цивилизации особого "советского" типа.*

Советское общество как особый тип цивилизации

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. российскими социологами были предприняты попытки осмыслить природу уходящей (как тогда казалось) социетальной системы и особенности присущей ей социальной стратификации во взаимосвязи формационного, цивилизационного и институционального подходов в контексте исторического опыта России. Эта новая социально-экономическая и политическая система сложилась к началу 1930-х гг. и сохранилась без существенных изменений до 1990-х гг. [Ионин, Шкаратан, 1989; Шкаратан, 1990; Радаев, Шкаратан, 1991; Radaev, Shkaratan, 1992; Shkaratan, 1992]. Она не являлась ни капиталистической, ни социалистической, а по присущим ей специфическим и устойчиво воспроизводящимся чертам ее можно именовать *этакратической*. Этакратизм – это не цепь деформаций и отклонений от некоей образцовой модели капитализма или социализма, а *параллельная ветвь исторического развития современного индустриального общества* со своими собственными законами функционирования и развития. Его можно рассматривать и как самостоятельную социально-экономическую систему в цивилизационной дихотомии "Запад–Восток", и как одну из форм модернизации (индустриализации) стран неевропейского культурного ареала. Первооснову этакратического общества составляют следующие характеристики:

- обособление собственности как функции власти, доминирование отношений "власть–собственность";
- преобладание государственной собственности, процесс снятия частной собственности и постоянного углубления огосударствления, не тождественного процессу обобществления, исчезновение практически всякой (кроме теневой) экономической деятельности, не подвластной государственному регламентированию;

– государственная собственность на рабочую силу, государственный найм как преобладающий источник средств существования для большинства населения, превращенного в государственно зависимых работников;

– государственно-монополистический способ производства;

– реализация государством собственности через переуступку ее ведомствам, точнее бюрократическому аппарату – реальному распорядителю государственными ресурсами, использующему их в своих корпоративных целях и групповых интересах;

– корпоративная система как доминирующая форма реализации властных отношений, соответственно, иерархического ранжирования и объема и характера привилегий членов социума;

– подчинение хозяйственных ведомств и их руководителей общесоциальным (= общеэтакратическим) интересам через партию как разработчика стратегии социально-экономического развития и координатора – контролера действий ведомств-монополистов в общегосударственном и региональном масштабах;

– доминирование централизованного распределения;

– целевая функция экономической деятельности в этакратической социетальной системе – воспроизведение и усиление власти правящего слоя; экономическая эффективность не является определяющим критерием оценки экономической деятельности;

– наличие теневой экономики как необходимого элемента этакратической системы;

– зависимость развития технологий от внешних стимулов (технологическая стагнация);

– милитаризация экономики;

– сословно-слоевая стратификация иерархического типа, в которой позиции индивидов и социальных групп определяются их местом в структуре власти и закрепляются в формальных рангах и соотношенных с ними привилегиях; определяющие позиции правящих групп, образующих этакратию, распоряжающуюся государственной собственностью;

– система социальных гарантий для низших слоев населения, обеспечивающая стабильность социума;

– социальная мобильность как организуемая сверху селекция наиболее послушных и преданных системе людей;

– отсутствие гражданского общества, правового государства и, соответственно, наличие системы подданства, партотократии;

– имперский полиэтнический тип национально-государственного устройства, фиксация этнической принадлежности как статуса (при определении ее "по крови", а не по культуре или самосознанию).

Из концепции этакратического характера обществ советского типа вытекает признание доминирования в них властно-собственнических отношений¹. Это означает, что отношения по поводу собственности не выражаются в оппозиции "собственник – несобственник", а в континууме, отражающем меру присвоения собственности в зависимости от места во властной иерархии, которая образует стержень всей стратификационной иерархии. В целом социальный статус и привилегии определялись не имущественными различиями, а местом во властной структуре. Именно власть и связанные с нею привилегии открывали человеку и его наследникам более благоприятные пути к знанию и материальной обеспеченности. В то время как образование и квалификация, предприимчивость и личное богатство, социальное происхождение могли служить лишь средствами для достижения позиции во властной иерархии. Поэтому в советском обществе отсутствовали классовые отношения, а доминировали слоевые отношения по поводу места в системе "власть – собственность".

¹ Опускаю здесь из-за недостатка места известные характеристики экономических институтов советского типа, достаточно полно проанализированные еще либеральными критиками советской системы – Б. Бруцкусом, Ф. Хайеком, Л. фон Мизесом и др.

Правящие слои образовали этакратию, распоряжавшуюся государственной собственностью. Этакратия не являлась совокупностью замкнутых слоев. И попасть в нее в принципе могли представители буквально всех социальных групп. Непременные условия – политическая лояльность и личная преданность руководству. В Советском Союзе этакратия имела четкое организационно-иерархическое построение в виде номенклатурной системы.

Реально социальная селекция, заменявшая спонтанную социальную мобильность, была направлена против средних слоев, особенно – интеллигенции, поскольку советская система могла строиться только на социальных силах маргинализированных групп населения. Характерно, что в составах политбюро ЦК КПСС (истинных владык страны) 1965–1984 гг., то есть в эпоху интенсивного развития электронных, ядерных, космических, биоинженерных и иных супертехнологий, выходцы из семей бедного крестьянства и неквалифицированных рабочих преобладали решительным образом – 70,5%; в семьях неквалифицированных служащих родились 13,1%, лишь 8,5% имели родителями квалифицированных рабочих и 8% – работников квалифицированного умственного труда (подсчитано по [Состав... 1990, с. 69–136]).

Во всем и всегда сказывалась своеобразная смычка советской элиты и низов, состоявших из квазирбочих и таких же квазикрестьян, людей, ушедших из одной (традиционной) культуры и не дошедших до подлинно городской. Отсюда и особые черты, не всегда прослеживаемые по данным социальной статистики и социологических опросов: с одной стороны, возрастающая межпоколенческая преемственность, особенно в верхних слоях, а с другой – странные, на первый взгляд, зигзаги в индивидуальной карьерной мобильности отдельных выходцев из низших страт.

Не входившие в состав этакратии (номенклатуры) жители страны не образовывали однородной, социально не иерархизированной массы. В составе населения бывшего СССР могут быть выделены социальные слои, различающиеся по месту во властной иерархии, характеру труда и доступу к благам и услугам в распределительной системе этакратического общества: управляющие и чиновники высшего звена; управляющие и чиновники среднего звена; высококвалифицированные профессионалы (с учеными степенями и др.); профессионалы с высшим образованием; профессионалы со средним специальным образованием; служащие; высококвалифицированные городские рабочие; квалифицированные городские рабочие; полу- и неквалифицированные городские рабочие; квалифицированные сельскохозяйственные рабочие; неквалифицированные сельскохозяйственные рабочие.

Что касается советской политической системы как аспекта, стороны этакратической системы, то ее характеризуют следующие черты:

- отсутствие верховенства законов и произвол власти, управление на основе секретных инструкций;
- подавление свободомыслия, контроль над поведением каждого и всепроницающая система сыска;
- в сочетании возможных рычагов управления людьми – страха и личной заинтересованности – предпочтение отдается страху;
- конструирование иллюзорной системы народовластия.

Особую прочность и устойчивость социальному порядку придавала "двойная спираль" управления государством. На поверхности управленческой системы выступали действующие во всем мире министерства, ведомства, органы местного управления. Но все эти управленческие инстанции не принимали ключевых решений. Ядром системы власти была коммунистическая партия, точнее – по выражению Дж. Оруэлла – "внутренняя партия", то есть партийная номенклатура, так называемые "аппаратчики". Каждое министерство, ведомство имело своего куратора в аппарате ЦК КПСС, и по негласному статусу этот куратор был по рангу выше "своего" министра². Законотвор-

² Ср. [Плискевич, 1999] о "двух вертикалях" советской системы управления собственностью.

ческий процесс вершился в кабинетах ЦК партии при участии профессионалов. Здесь же готовились подзаконные акты, которые во многих случаях оставались секретными, что создавало правовую зависимость каждого человека от всевластия номенклатуры. Эта двойственность, переплетенность скрытых и открытых каналов и рычагов управления делала исключительно гибкой и в то же время крайне жесткой всю систему управления.

В советской системе всегда отсутствовала независимая судебная власть. Судьи "избирались", как и депутаты, при отсутствии альтернатив. Заведомо это была номенклатура низшего уровня, что подтверждается и невысоким уровнем заработной платы и непригодными для работы помещениями судов. Во всей системе власти гораздо более весомую роль играла прокуратура.

Концепция этакратизма как объясняющая природу обществ советского типа постепенно находит поддержку со стороны крупных аналитиков современного типа. М. Кастельс, например, пишет: "В XX в. мы жили, в сущности, при двух господствующих способах производства: капитализме и этатизме... При этатизме контроль над экономическим излишком является внешним по отношению к экономической сфере: он находится в руках обладателей власти в государстве (назовем их *аппаратчиками* или, по-китайски, *линг-дао*). Капитализм ориентирован на максимизацию прибыли, т.е. на увеличение объема экономического излишка, присвоенного капиталом на основе частного контроля над средствами производства и распределения. Этакратизм ориентирован (был ориентирован?) на максимизацию власти, т.е. на рост военной и идеологической способности политического аппарата навязать свои цели большему количеству подданных на более глубоких уровнях их сознания" [Кастельс, 2000, с. 38].

Характерно, что странам Центральной и Восточной Европы этакратизм был навязан со стороны СССР. При этом особое сопротивление новой системе оказали народы тех стран, которые обладали большим опытом рыночной экономики, демократических институтов. Все они принадлежали к католической и протестантской культурам. В то же время этакратизм вполне добровольно и самостоятельно произрастал в государствах, не знавших зрелых буржуазных отношений, шедших другим историческим путем, чем Европа, – в Китае и Вьетнаме, в Монголии и на Кубе, что дает основания предположить органичность его возникновения в этой группе стран.

Исторические предпосылки этакратизма в России

Почему в ряду этого типа социумов оказалась Россия, огромная евразийская империя, с преимущественно славянским населением, мигрировавшим на территорию современного обитания с Запада на Восток, а не с Востока на Запад? Конечно, можно рассуждать о том, что русскому народу аномальная система социально-экономических и политических отношений была насильственно навязана. Но не слишком ли долго она просуществовала, да и ныне уничтожена ли или мимикрировала под будто бы капиталистическую и демократическую систему? Нет ли в этакратической (неоазиатской) системе определенного соответствия всему исторически складывавшемуся строю жизни народа?

Необходимо принять во внимание то обстоятельство, что большинство феноменов экономической и социальной жизни любого социума являются результатом совместного влияния как постоянно действующих причин, так и специфического исторического развития. Поэтому осмыслить современную ситуацию в России, во многом неожиданную не только для внешних наблюдателей, но и для либерально ориентированных аналитиков внутри страны, можно, если попытаться понять логику двенадцативековой истории самой России. Только так можно найти ответ на вопрос, почему именно в этой стране на собственной национальной почве победил режим, сломивший уже складывавшееся буржуазное, собственническое общество, приведший к торжест-

ву этакратической (неоазиатской) линии развития. Этими же историческими накоплениями можно попытаться объяснить и характер постсоветских трансформаций.

Существующее ныне в мире разнообразие линий общественного развития в конечном итоге основывается на различиях двух доминирующих типов макроцивилизаций, которые условно можно именовать "азиатской" и "европейской". Первый тип исторически связан с азиатскими деспотиями, доминированием государственной собственности, всевластием государственных институциональных структур при отсутствии гражданского общества, подданством, приоритетом общинных ценностей при подавлении индивидуальности. Центральной его характеристикой, точно так же, как и советского этакратизма, были отношения "власть–собственность". Этот феномен открыт и проанализирован блистательным востоковедом Л. Васильевым. Верховным собственником, прежде всего земли, является государство, обладающее высшей абсолютной властью над подданными. Оно становится деспотией, а подданные оказываются в состоянии поголовного рабства. Отдельный человек может быть лишь владельцем, но не собственником. При этом власть и господство основываются не на владении собственностью как таковой, а на высоком положении в традиционной иерархии. "Частная собственность превратилась в слугу государства, перестав быть его опасным соперником" [Васильев, 1994, с. 486]. Основа восточной структуры – полное поглощение личности коллективом. Типичная восточная община определяет макроструктуру государства.

Второй тип макроцивилизации идет от античного полиса; это цепочка обществ, которые характеризуются частной собственностью, балансом отношений "гражданское общество – государственные институты", развитой личностью и приоритетом ценностей индивидуализма. Прорывом к такой цивилизации, к такой социальности были "политические революции" Солона (VI в. до н.э.), ставленника греческого демоса. Они ликвидировали долговое рабство и установили политические права по имущественному цензу, открыли дорогу для утверждения частной собственности в качестве экономической основы общества. Однако подобный переворот, проложивший путь отношениям античного (рабовладельческого) способа производства и пришедшим ему на смену феодальному строю и капитализму, не носил универсального характера.

В мировой истории и пространственно, и во времени преобладал первый тип цивилизации, доминировали социумы, основанные на отношениях "власти–собственности". Именно в тех странах, где исторически доминировала неевропейская линия развития, в середине XX в. ненасильственно установился этакратизм. И Б. Рассел (он, по-видимому, был первым), и М. Джилас, и многие другие обращали внимание на сходство сущностных черт так называемого советского социализма и той системы, которую К. Маркс называл "азиатским способом производства", а современные российские исследователи предпочитают именовать "государственным способом производства", или восточным деспотизмом. Сходство действительно обескураживающее.

Многие российские авторы все чаще задумываются над ним, ищут объяснение ему в истории страны; пишут о том, что в дореволюционной России существовал то ли азиатский способ производства как таковой, то ли феодализм с элементами восточного деспотизма. В любом случае имел место развитый институт власти-собственности [Нуреев, 2001, с. 8]. Экономист и социолог О. Бессонова предложила институциональную концепцию, согласно которой экономика России имела природу раздаточной системы на протяжении всей своей истории с IX по XX в., а экономическая эволюция страны была эволюцией института раздаточной экономики [Бессонова, 1994].

Это означает, что в отличие от рыночной экономики, где распределение осуществляется через механизмы "купли–продажи", в российской экономике распределение реализуется через механизмы "сдач–раздач". Собственность носит общественно-служебный характер, она распределяется между всеми и не принадлежит в полном объеме никому; доступ к ней осуществляется в форме службы; в основе экономической организации лежит служебный труд, носящий обязательный характер и означающий выполнение предписанных обществом функций; материальные условия для выполнения служебных обязанностей создавались институтом раздач; формирова-

ние богатства происходило через институт сдач, которым обеспечивалась обратная передача материальных благ, услуг и ресурсов от всех хозяйственных субъектов в распоряжение всего общества. В "створе" между основными – сдаточно-раздаточными – этапами в русской истории имеются переходные периоды, во время которых получают распространение элементы, сходные с европейскими институтами того же времени: возникала частная собственность, распространялись товарно-денежные отношения (например, с 1860-х гг. до 1917 г.). Поскольку "чистых" экономик не существует, на каждом этапе присутствует определенная доля отношений из противоположной системы, то есть в рыночных – раздаточные, в раздаточных – рыночные. В чередовании основных раздаточных и переходных квазирыночных периодов и выражается своеобразие траектории хозяйственного развития России как евроазиатской цивилизации. Советская эпоха (1920–1980 гг.) отнесена Бессоновой к временам очередного этапа доминирования раздаточной экономики [Бессонова, 1999]. Очевидно, что раздаточная экономика есть не что иное, как один из подтипов государственного способа производства.

И в этом контексте можно оценивать большевистский переворот как органическое возвращение страны к складывавшимся в длительном историческом процессе специфическим чертам российской социетальной системы. Как писал В. Пастухов, российский коммунизм выглядит аномалией лишь в рамках западной культурной ориентации. Для России же это была исторически логическая фраза развития. Распад коммунистической системы означает начало новой фазы эволюции специфической евразийской цивилизации [Пастухов, 1994, с. 7].

Если попытаться предельно коротко изложить результаты анализа, проведенного многими исследователями, то получим следующее. Специфичность отечественной истории, организации экономической и социальной жизни, национальной культуры и менталитета сформировалась под решающим влиянием таких факторов, как: рассредоточение населения на огромных пространствах и изначально слабые связи между территориальными общностями; исключительная значимость борьбы за выживание в условиях сурового северного климата; наконец, и это самое важное, – многовековой процесс собирания земель, то есть экстенсивный рост на протяжении примерно шестисот лет. Постоянная территориальная экспансия требовала государственности в форме самовластия и милитаризации страны, а как следствие – огромного напряжения народных сил.

С XIII в. и до нашего времени, за вычетом коротких исторических промежутков, в России за пределами власти не было и нет никакого общества, а есть только народ – безликая, бесправная и безгласная общность. Лишь к концу XVIII в. были приняты первые законы, закрепившие частную собственность на землю и другое имущество у дворян. Даже в канун Октябрьского переворота в русской деревне земля принадлежала общине, а не отдельным крестьянам, и все ее члены пользовались землей на равных основаниях; для большинства россиян частная собственность еще не стала традицией. Другими словами, Россия не прошла тот путь от традиционного общества к феодальному и от него к капиталистическому, который проделали страны европейского цивилизационного ареала. Привнесенный же с Запада социализм был трансформирован в парадигматику традиционных крестьянских представлений о "правильной жизни". Поэтому большевизм получил здесь (в отличие от европейских стран) серьезную социальную базу.

Согласно А. Тойнби, Россия "есть часть общемирового незападного большинства". Русские никогда не принадлежали к западному христианству. "Восточное и западное христианство всегда были чужды друг другу, антипатичны и часто враждебны, что, к несчастью, мы и сегодня наблюдаем в отношениях России с Западом, хотя обе стороны находятся в так называемой постхристианской стадии своей истории" [Тойнби, 1995, с. 156].

Подводя определенный итог суждениям о российской цивилизации, С. Хантингтон писал: "Некоторые ученые выделяют отдельную православную цивилизацию с

центром в России, отличную от западного христианского мира по причине своих византийских корней, двухсот лет татарского ига, бюрократического деспотизма и ограниченного влияния на нее Возрождения, Реформации, Просвещения и других значительных событий, имевших место на Западе" [Хантингтон, 2003, с. 56].

Следует заметить, что сами россияне даже после массовой атаки СМИ в конце 1980-х – начале 1990-х гг., внушавших мысль о принадлежности России к европейской, западной цивилизации, устойчиво предпочитали ориентацию на традиции и особенности России, на глубоко изученный национальный исторический опыт в противовес следованию "чужим образцам". Западнически ориентированные авторы считают такую позицию свидетельством реакции большинства опрошенных на собственную несостоятельность в условиях прорывных реформ (см., например [Дубин, 2003]). Думается, однако, что здесь мы, скорее, имеем дело с адекватным и неситуативным восприятием действительности, более реалистичным, чем у идеологов проводившихся в 1990-х гг. реформ.

Социетальная система постсоветской России

Номенклатура (или в другой терминологии – этакратия) в условиях расцвета системы при И. Сталине, обладая властью, тем самым владела и собственностью, ибо владела государством, которому, в свою очередь, принадлежала почти вся собственность в стране. Правда, эта собственность была не индивидуально-частной, а совокупно-частной. Индивидуальная собственность действительно была загнана в глубокое подполье, почти полностью уничтожена. В этом, кстати, и было одно из качественных отличий современного этакратизма от традиционного государственного ("азиатского") способа производства.

Как только репрессивный режим перестал давить на этакратию и господствующие слои получили гарантии личной и имущественной безопасности, неприкосновенности жилища и т.д., на первый план вышла проблема собственности. Началось личное накопление. Номенклатура, теневики, руководители военно-промышленного комплекса, пригретые политическими лидерами работники искусств – вот хозяева первичных предкапиталов, начавших складываться с середины 1950-х гг.

Однако ключевое значение в начавшихся процессах имело изменение системы управления государственной собственностью. Жесткую иерархическую командную систему управления экономикой из единого центра шаг за шагом сменяет административный (бюрократический) рынок – весьма своеобразная система экономических отношений, которую справедливо называют "экономикой согласований", построенной на обмене – торговле, осуществляемой как органами власти, так и отдельными лицами. Особенно ценился на этом своеобразном рынке социальный статус, который давал неизмеримо больше, чем любые деньги [Найшуль, 1991]. Таким образом, в 1953–1985 гг. при внешнем господстве все той же тотально-государственной собственности развивались своеобразные латентные процессы зарождения "квазичастной" собственности, шел процесс предприватизации собственности и складывания протокласса крупных собственников.

В 1988–1991 гг. эти подспудные процессы вышли наружу. Началась открытая номенклатурная приватизация. В этом был социальный смысл реформ Н. Рыжкова – М. Горбачева, вся выгода от которых досталась "своим" – хозяйственному и партийно-комсомольскому аппарату. Была проведена раздача государственной собственности в "полное хозяйственное ведение" соответствующих должностных лиц. Это была келейная приватизация без смены юридических форм собственности. Принцип владения ею из исключительно корпоративного превратился в корпоративно-индивидуальный. В итоге сложился номенклатурный псевдокапитализм в чрезвычайно выгодном варианте – лжегосударственной форме деятельности частного капитала. Процесс выхода номенклатурных чинов на коммерческую стезю начался в 1987 г. со специального решения ЦК КПСС о комсомольском движении в рыночную экономику. Координацион-

ный комитет этого движения возглавил второй человек в партии – Е. Лигачев. Началось создание разнообразных коммерческих центров, контроль за которыми и реальное руководство осуществляли высшие чиновники. Эти организации практически не платили налоги, они покупали валюту в Государственном банке по смехотворному официальному курсу (0,56 рубля за 1 долл.) и тут же перепродавали по коммерческому курсу (от 20 до 150 рублей за 1 долл.). Им были доступны все государственные запасы сырья и готовой продукции, которые они продавали за рубеж огромными партиями. Им же было передано множество зданий, санаториев, домов отдыха. Эти же люди создавали благотворительные фонды, неподконтрольные налоговой инспекции и позднее в своем большинстве таинственно исчезнувшие. И, наконец, все эти "свой" люди были полностью ограждены от правоохранительных органов. Примером успешного включения "зачинателей" этого движения в настоящую, крупную даже по мировым масштабам коммерцию может служить финансовая империя Менатеп (руководитель – М. Ходорковский), до недавнего времени пользовавшаяся особой благосклонностью властных структур.

Пришедшее к власти ельцинское руководство не столько создавало новую систему государственности, отключенной от собственности, сколько реорганизовывало старую власть. А потому прежние властные структуры и люди интегрировались в новые институциональные образования. Подоспевшая приватизация (с 1992 г.) облекла ту же номенклатурную собственность в разного рода смешанные, полугосударственные формы и таким способом еще более надежно закрепила ее за номенклатурой, укрыла от притязаний других социальных групп. В итоге и власть, и собственность остались в руках прежних хозяев России. Это был этап латентной (номенклатурной) приватизации.

На месте государственных банков были созданы коммерческие банки. Именно этим номенклатурным банкам давалась чиновничеством привилегия делать большие деньги, им присваивался статус "уполномоченного", позволявший осуществлять самые выгодные операции. Именно в них государственные организации размещали свои расчетные счета. Лидерами стали банки Менатеп, Инкомбанк; за ними следовали ОНЕКСИМбанк, Мосбизнесбанк, Мостбанк и другие. Это были, как правило, банки, созданные при содействии партийных органов (Инкомбанк, Менатеп) или под эгидой правительственных структур (Международная финансовая компания, ОНЕКСИМбанк) еще в конце 1980-х гг.

Приватизация советской распределительной системы состояла в создании на месте госнабав и торгов "комсомольских" бирж (Московская товарная биржа, Московская центральная фондовая биржа и др.), множества торговых домов, совместных предприятий по международным торговым операциям. На месте министерств были созданы концерны. Наиболее общеизвестный пример – концерн Газпром. Но можно вспомнить и о концерне Тяжэнергомаш – приватизированном Министерстве тяжелого, энергетического и транспортного машиностроения. Многие министерства выделяли в своем "хозяйстве" наиболее лакомые куски и приватизировали их. В итоге возникли концерн Норильский никель, крупнейшая компания Алмазы России. Какое-то время они формально существовали в оболочке государственных корпораций, но довольно быстро были преобразованы в частично или преимущественно приватизированные, при этом реальный контроль оставался в руках государственных чиновников.

В итоге были присвоены в частную собственность финансовые и управленческие структуры, произошла концентрация финансового капитала. К тому же приватизация собственности и финансов причудливо сочеталась с укреплением номенклатурного характера аппарата государственной власти. Не в силах в течение 1990-х гг. легально конкурировать с частным бизнесом по уровню заработной платы, государство воссоздало систему привилегий для высшего и среднего управленческого звена. Так, владения Управления делами президента значительно превысили собственность Управления делами ЦК КПСС, а степень контроля за использованием дач, автомашин, учреждений медицины, охраны и т.п. значительно снизилась.

Происхождение российских предпринимателей во многом определило особенности их сознания и поведения. Практически весь директорский корпус остался на своих местах, а лидеры министерств и ведомств либо получили крупные посты в исполнительных органах власти, либо возглавили концерны и банки национального масштаба. Главное качество их – в сочетании черт бывших партийно-советских аппаратчиков со свойствами обычных предпринимателей. Это не нормальные экономические агенты, действующие в рыночной конкурентной среде, а квазикапиталисты – прямое продолжение номенклатурных акторов административного рынка.

Начало открытой приватизации (с 1992 г.) означало ненасильственное изменение отношений собственности без (в большинстве случаев) смены владельца. Можно было ожидать, что фиговый листок лжегосударственности станет спадать с номенклатурной собственности, что директора, министерские и другие чиновники сами иницируют переход от лжегосударственной формы собственности к подлинно частной, к чисто рыночному перераспределению собственности. Однако процесс пошел преимущественно по другому вектору. До сих пор не существует системы достаточно развитой частной собственности, отделенной от государства. Цель номенклатуры была и остается неизменной на протяжении всего постсоветского периода – законсервировать отношения "ничейной собственности", чтобы, не неся за нее ответственности, пользоваться доходами с нее как с частной.

Реальным приоритетом нового постсоветского режима была политика по концентрации ресурсов нации в руках незначительного меньшинства. Решающую роль здесь сыграла скоростная приватизация, практически подарившая правящей номенклатуре, в первую очередь ближайшему президентскому кругу, громадную государственную собственность. Только на первом этапе массовой приватизации в 1992–1993 гг. под руководством А. Чубайса было продано 500 крупнейших предприятий стоимостью не менее 200 млрд долл. за 7,2 млрд долл. [Полеванов, 1995, с. 50]. И это было лишь начало. В ходе шести самых дорогих залоговых аукционов (1995–1997 гг.) были проданы акции нефтяных компаний, чья стоимость на рынке была в 18–26 раз выше уже через полтора года после аукционов.

Все большее сосредоточение власти и собственности в одних руках препятствовало формированию цивилизованной рыночной экономики и вело к коррупции, экономической стагнации и обнищанию населения. В отличие от экономической элиты советских времен, которая являлась непосредственной составляющей номенклатуры, бизнес-элита относительно более независима. Однако лишь относительно. Реально на протяжении всех постсоветских лет власть позволяет одним бизнесменам преуспевать, а других может разорить, унизить, уничтожить если не физически, то социально, не считаясь с законами и моральными нормами. В России олигархи назначались, а не побеждали конкурентов в цивилизованной борьбе. Молодость отдельных представителей олигархии не должна вводить в заблуждение: номенклатура обменивала власть на собственность, не обязательно лично включаясь в коммерческие авантюры. Для ведения рискованных дел подбирались люди из "резерва партии" – комсомола, которые и оперировали деньгами государства. Именно поэтому в их среде трудно встретить бывших партийных секретарей. Здесь нашли себя люди другого поколения – активные комсомольские функционеры, низшее чиновничество среднего звена.

В 1995–2003 гг. коррупция превратилась в устойчивую систему отношений между чиновником и бизнесменом. Основная особенность взаимодействия между предпринимателями и чиновниками в последний период заключалась в том, что теперь – в отличие от нестабильной ситуации 1992–1994 гг. – они приобретали долгосрочный характер. Сформировались специфические "контракт-отношения", уже не сводящиеся к простому обмену услугами между чиновником и бизнесменом. Скорее, они предусматривают взаимную стратегическую и тактическую поддержку в рамках длительного сотрудничества. При этом отдельный чиновник по отношению к соответствующему предпринимателю все более начинает выступать в роли *партнера по бизнесу* [Радаев, 1998]. Конечно, это не нормальные экономические агенты, действующие в рыночной конкурентной среде. Это *квазикапиталисты* – прямое продолжение номенклатурных акторов административного рынка.

Другой привилегированной группой общества, помимо крупных собственников, стало, точнее – сохранило и укрепило свои позиции, российское чиновничество, прямое продолжение советской номенклатуры. Численность же чиновников в стране, как отмечают "Известия" (1 июня 2001 г.), поражает – 1,34 млн человек (*без силовых ведомств*) (см. также [Гимпельсон, 2002]).

Характерны данные исследования российской элиты 1993 г. В административной элите Центра 60,1% сохранили свой статус, имевшийся до августа 1991 г.; 27,2% – повысили его; снизился статус у 12,7%. Еще меньше изменений произошло в составе дипломатической элиты: здесь сохранили статус 79,0%, повысили – 17,7%. Генералитет, верхушка армии в большинстве либо сохраняли прежние позиции (35%), либо были повышены в чинах и званиях (47,5%). Также выглядят и перемены в положении политической элитной группы: сохранение статуса – у 76,6%; его рост – у 10,3%. Высока была стабильность и региональной элиты: сохранили свой статус 52,5%, повысили – 40,0% [Политическая... 1995].

За 1994–2000-е гг. резко возросла роль "старых" кадров на федеральном уровне. И здесь совершенно ограничен процесс усиления влияния представителей спецслужб, входивших в суперядро советской номенклатуры. По расчетам О. Крыштановской, доля военных и представителей спецслужб во властных структурах в 2002 г. составила 25,1% против 11,2% в 1993 г. При этом доля лиц, входящих во власть и имеющих ученую степень, за те же 10 лет снизилась с 52,2% до 21,0%. По ее оценке, в ключевые министерства и ведомства внедряются люди из действующего резерва госбезопасности. Они занимают позиции не на высших ступенях чиновной иерархии, а начиная с должностей заместителей министров. Предположительно к 2003 г. в аппарате правительства резервисты спецслужб составляют около 30% [Крыштановская, 2002].

Добавлю, что немалое число неофитов в политических верхах являются выходцами из семей, принадлежавших к элитным группам в прежней властной иерархии. Как известно, социальные привилегии – органичная часть этакратической системы – неизбежно входят в ее социальную политику. Сохранение и даже расширение оставшегося с советских времен внерыночного распределения значительной части ресурсов, контролируемых государством, в качестве благ и услуг правящему слою являются доказательством не буржуазно-демократического, а постэтакратического характера социальной системы.

Вот лишь некоторые примеры. На фоне длительной дискуссии о пенсионном обеспечении основной массы населения без всякой огласки установлены пенсии чиновникам в размере 75% от их заработной платы, которые они могут в определенных случаях получать, не достигнув 60-летнего возраста. На обслуживание парка персональных автомашин государство затрачивает ежегодно 1,5 млрд долл. Каждый депутат Государственной думы обходится нации в 10 тыс. долл. в месяц. Можно предположить, что каждый из чиновников высокого ранга обходится намного дороже. Добавим к этому многократно приводившиеся в прессе сведения о бесплатно переданных высшим чиновникам в частную собственность квартирах, стоимость которых достигает 300–500 тыс. долл.

Но доходы чиновников не исчерпываются официально получаемыми благами от государства. По данным Г. Сатарова, коррупция дошла до такого масштаба, что чиновники перестали стесняться. Это происходит потому, что коррумпированный чиновник послушен. Коррупцией поражены все государственные структуры (речь именно о структурах, поскольку внутри каждой из них, конечно, есть чиновники, не берущие взяток). По минимальным оценкам, взятки чиновникам исчисляются 30 млрд долл. в год. Места в госструктурах во многих случаях выставлены на продажу. И если нередко судебные разбирательства с представителями бизнеса, то высшее чиновничество устойчиво защищено от выяснения подлинных источников своих сверхдоходов.

Принципиально важным направлением государственной политики в стране, переходящей от этакратической к частнособственнической системе, должно было бы стать регулируемое формирование класса собственников – предпринимателей. Именно они должны послужить опорным каркасом эффективной постиндустриальной экономики. Но на протяжении всех лет реформирования экономики в России малое и среднее

предпринимательство вынуждено было преодолевать бесконечные притеснения и бюрократические препоны, как факт – малое и среднее предпринимательство занимает более или менее нормальную нишу только в торговле и производстве некоторых продовольственных товаров. А ведь такое предпринимательство составляет неотъемлемую часть здоровой экономики процветающего общества. В развитых рыночных экономиках оно обеспечивает 60–80% общей занятости, у нас – порядка 11–12%.

Если обратиться к законодательным и нормативным актам, может сложиться впечатление, что в стране созданы необходимые предпосылки для эффективного предпринимательства. Об этом говорится и в Конституции РФ, и в Гражданском кодексе РФ. Наше гражданское право формально обеспечивает основные права и свободы предпринимателей. Но формальные институты и реальные практики резко расходятся. Доминируют неправовые практики, привнесенные из советского и более давнего прошлого.

По мнению большинства предпринимателей, гораздо эффективнее при проведении хозяйственных споров обращаться куда угодно, но только не в государственные судебные инстанции. Так, обращаться в Арбитражный суд бесполезно. Во-первых, невозможно предсказать исход дела из-за противоречивости законодательства; во-вторых, чрезмерно велики сроки судебного разбирательства; в-третьих, отсутствует надежда на исполнение решения. Кроме того, и это самое тревожное, 42% в ходе разбирательств лично столкнулись с силовыми методами, а 3% стали прямыми жертвами силовых вымогательств. По мнению предпринимателей, без силового вмешательства решение хозяйственных споров практически невозможно. Причем нелегальные силовые формирования отходят на второй план. Выигрывает тот, кто имеет "неформальные" отношения с государственными структурами – судом, милицией, прокуратурой. Положение особенно напряженно в провинции (см. "Новую газету" от 10–12 февраля 2003 г.). В результате обычной стала практика силового захвата предприятий у их законных владельцев.

Об этой проблеме, как в фокусе отражающей характер функционирования института частной собственности в постсоветской России – стране в институциональном смысле скорее позднестакратической, чем незрело буржуазной, пишет Сатаров: «Конечно, "недружественное поглощение" существует везде, где есть нормальный свободный рынок. Но там оно служит обычно одним из инструментов санации рынка, смены неэффективного менеджмента на эффективный... И все происходит в рамках закона. У нас не так. Во-первых, наш захват осуществляется целиком на основе коррупционных схем. Во-вторых, объектом атаки у нас становятся успешные предприятия... Значит, в стране опасно становиться доходным, открываться, привлекать инвестиции... В-третьих, захваченная собственность, как правило, приводится в полную экономическую негодность: активы выводятся, менеджмент разрушается, собственность распродаётся, люди теряют работу, а бюджеты разных уровней лишаются налоговых поступлений» [Сатаров, 2003].

Особенно остро стоит вопрос о действии в России института несостоятельности, который используется для захвата благополучных предприятий у эффективных собственников. В этих условиях сохраняются и реализуются возможности осуществлять коррупционные сделки, поскольку административные барьеры для осуществления законопослушного предпринимательства практически непреодолимы для малого и среднего бизнеса, особенно в секторах новой, прежде всего информационной, экономики, где высок удельный вес нуждающегося в поддержке венчурного бизнеса. Отсюда неслучаен незначительный удельный вес малого и среднего предпринимательства в экономике России, а главное – отсутствие какого-либо роста его доли и повышения роли. Защищены, но не законодательством, а неформальной практикой, прямой связью с правительством и Администрацией президента только крупнейшие собственники, федеральные и межрегиональные олигархи.

Анализ жалоб предпринимателей, адресованных Российскому союзу промышленников и предпринимателей (лето 2003 г.), показал, что особенно раздражает бизнес издевательская регулярность административных проверок, сопровождающихся, как правило, чиновничьим вымогательством взяток, поборов во внебюджетные фонды

и т.п. На 51% предприятий такие проверки проводятся чаще одного раза в месяц, реже одного раза в месяц – на 26%. Предприниматели пишут о том, что государственные органы регулярно открыто нарушают законодательство; 40% писем – это жалобы на местные органы власти, 34% – на региональные органы, 26% – на федеральные. Для сравнения: суммарный уровень давления со стороны "контрагентов" отметили в своих письмах 22,1%; со стороны банков – 13%.

Вывод таков. **Сложившиеся отношения власти и бизнеса, когда бизнес выступает как зависимый и манипулируемый властью социальный субъект, есть органическая характеристика современной социетальной системы России как системы позднеэтакратической.** Приватизированная собственность в России в строгом смысле слова не является частной. Ведь подлинно частная собственность носит производительный, создающий характер. Частное здесь не только присвоение собственности, но и ее производство. Норма – преобладание производства над присвоением. В постсоветской России частный принцип действует в основном в сфере присвоения, которое отнюдь не лимитировано производством. Предметом частного присвоения сплошь и рядом оказывается стоимость, в создании которой соответствующие лица не принимали никакого или почти никакого участия: основные фонды, накопленные трудом и лишениями многих поколений, богатства российских недр, бюджетные средства. Не случайно, что и защищать свою собственность от государственного произвола, вплоть до ее изъятия, нашим олигархам практически невозможно: она по существу, как и в советское время, ничейная. Еще одна важная особенность. В отличие от частной приватизированная собственность – достояние немногих. Не случайны торможение развития малого и среднего бизнеса, упорное игнорирование прав профессионалов на интеллектуальную собственность, правовая незащищенность собственности работников на свою рабочую силу. Это не ошибки в государственной политике, а органическая характеристика либеральной по форме и стэйтистской по содержанию экономической системы с ограниченной независимостью частных предпринимателей.

Особого разговора заслуживают такие проблемы, как отсутствие в России подлинно свободного рынка и стабильные (начиная с осени 1993 г.) ограничения в демократии. Как и в советское время, качественно различны по сравнению с западным обществом (во всех его вариантах) типы личности, все основные цивилизационные черты. Другими словами, речь идет **об особой советско-постсоветской цивилизационной модели, сущностно отличной от европейской (атлантической) по институциональной структуре и системе ценностей.**

Для того чтобы добиться такого "успеха", правящие круги переломили демократическую активность масс, удержали Россию от демократической революции, наподобие тех, что прошли в Венгрии, Польше, Чехии – странах, вставших на путь подлинно капиталистического и демократического развития. Как откровенно и точно высказался Б. Ельцин о событиях 1991 г., "мы прошли буквально по краю, но смогли уберечь Россию от революции" (см. "Российскую газету" от 20 августа 1992 г.). Центральный вопрос, на который необходимо получить ответ в предстоящих дискуссиях: имеется ли выход из того положения, в котором находится страна, есть ли в ней социальные силы, способные переломить ситуацию и вывести Россию на дорогу, ведущую в рыночную информационную экономику и демократию?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бессонова О.Э. Институциональная теория развития России // Социальная траектория реформируемой России. Новосибирск, 1999.

Бессонова О. Раздаточная экономика как российская традиция // Общественные науки и современность. 1994. № 3.

Васильев Л.С. История Востока. Т. 1. М., 1994.

Гимпельсон В.Е. Численность и состав российской бюрократии: между советской номенклатурой и госслужбой гражданского общества. М., 2002.

Дубин Б. Запад для внутреннего употребления // КОСМОПОЛИС. 2003, № 1(3).

- Ионин Л., Шкаратан О. Паркинсон и бюрократы // *Паркинсон С.Н. Законы Паркинсона*. М., 1989.
- Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000.
- Колодко Г. От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований. М., 2000.
- Крыштановская О.В. Режим Путина: либеральная милитократия? // *Pro et Contra*. 2002. Т. 7. № 4.
- Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма // *Погружение в трясину*. М., 1991.
- Нуреев Р.М. Социальные субъекты постсоветской России: история и современность // *Мир России*. 2001. № 3.
- Пастухов В.Б. Три времени России. Общество и государство в прошлом – настоящем – будущем. М., 1994.
- Плискевич Н.М. Российская приватизация: революция или эволюционный переход? // *Общественные науки и современность*. 1999. № 4.
- Полеванов В.П. Технология великого обмана. М., 1995.
- Политическая элита России (цикл статей) // *Мир России*. 1995. № 3–4.
- Радаев В.В. Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М., 1998.
- Радаев В.В., Шкаратан О.И. Власть и собственность // *СОЦИС*. 1991. № 1.
- Сатаров Г. Кто исправит наших акул // *Известия*. 2003. 29 мая.
- Состав руководящих органов центрального комитета партии – политбюро (президиума), оргбюро, секретариата ЦК. 1919–1990 гг. // *Известия ЦК КПСС*. 1990. № 7.
- Стиглиц Дж. Многообразие инструментов, шире цели: движение к поствашингтонскому консенсусу // *Вопросы экономики*. 1998. № 8.
- Стиглиц Дж. Куда ведут реформы? (К десятилетию начала переходных процессов) // *Вопросы экономики*. 1999. № 7.
- Тойнби А. Россия и Запад // *Тойнби А. Цивилизация перед судом истории*. СПб., 1995.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
- Шкаратан О.И. От этакратизма к гражданскому обществу // *Рабочий класс и современный мир*. 1990. № 3.
- Radaev V., Shkaratan O. Power and Property – Evidence from the Soviet Experience // *International Sociology*. 1992. № 3.
- Shkaratan O. The Old and the New Masters of Russia. From Power Relations to Proprietary Relations // *Sociological Research*. 1992. № 5.
- Stiglitz J.E. Globalization and its Discontents. New York–London, 2002.